

УДК 327(=512.1)

О СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ

Б.С. Сарсенбаев

Анализируется такой тип межгосударственных отношений, как стратегическое партнерство. Автор отмечает научную неразработанность этого термина, изучает его происхождение, интерпретирует, что он означает, какие смыслы несет, каким критериям должен отвечать данный термин, каковы должны быть механизмы его реализации. Термин получил широкое хождение, но политиками и экспертами до конца не выяснено, что он означает и как его применять в практической деятельности, из-за чего утрачивается значение и роль этого типа международных отношений в международной политике. Автор также обращает внимание на такой тип отношений, как "братские отношения", что они значат и в каких случаях могут применяться.

Ключевые слова: партнерство; стратегическое партнерство; братские отношения; тюркские республики; внешняя политика; Кыргызстан; Казахстан; Турция; Россия; Азербайджан; США; КНР; Тюркский совет; ООН.

ТҮРК МАМЛЕКЕТТЕРИНИН СТРАТЕГИЯЛЫК ӨНӨКТӨШТҮГҮ ЖӨНҮНДӨ

Б.С. Сарсенбаев

Бул макалада мамлекеттер аралык мамилелердин стратегиялык өнөктөштүк деген түрү талдоого алынган. Автор бул терминдин илимий жактан иштелип чыкпагандыгын белгилейт, анын келип чыгышын изилдейт, чечмелейт, башкача айтканда бул термин эмнени билдирет, кандай маанинин алып жүрөт, кандай критерийлерге жооп бериши керек, аны ишке ашыруунун механизмдери кандай болушу керек экендигин чечмелейт. Термин кеңири колдонулат, бирок ал эмнени билдирет, аны практикалык ишмердикте кантип колдонуу керек, эмне себептен аралык саясатта эл аралык мамилелердин бул түрү өзүнүн маанисин жана ролун жоготуп бараткандыгы саясатчылар жана эксперттер тарабынан толук аныкталган эмес. Ошондой эле, автор "бир туугандык мамилелер" термини эмнени билдирет жана кайсы учурда колдонула тургандыгына өзгөчө көңүл бурат.

Түйүндүү сөздөр: өнөктөштүк; стратегиялык өнөктөштөр; бир туугандык мамилелер; түрк республикалары; тышкы саясат; Кыргызстан; Казахстан; Түркия; Россия; Азербайжан; АКШ; КЭР; Түрк кеңеши; БУУ.

ON THE STRATEGIC PARTNERSHIP OF THE TURKIC STATES

B.S. Sarsenbayev

This article analyzes this type of interstate relations as a strategic partnership. The author notes the scientific undevelopedness of this term, studies its origin, interprets what it means, what meanings it carries, what criteria this term should meet, what should be the mechanisms for its implementation. The term has received wide circulation, but is not fully understood by politicians and experts, what it means and how to apply it in practice, because of which the importance and role of this type of international relations in international politics is lost. The author also draws attention to this type of relationship as "fraternal relations" and what they mean and in what cases can be used.

Keywords: partnership; strategic partnership; fraternal relations; Turkic republics; foreign policy; Kyrgyzstan; Kazakhstan; Turkey; Russia; Azerbaijan; the United States; China; the Turkic Council; the UN.

В межгосударственных отношениях, особенно на пространстве СНГ, часто говорят о стратегическом партнерстве между государствами, выдавая желаемое за действительное или стараясь придать существующим отноше-

ниям более высокий правовой и политический статус, значение. В документах ООН под партнерством понимаются "добровольные и основанные на сотрудничестве взаимоотношения между различными субъектами, как представляющими

государство, так и не связанными с ним, при которых все участники договариваются совместными усилиями добиваться общей цели или выполнять конкретную задачу и сообща преодолевать неблагоприятные факторы, нести общую ответственность, предоставлять на взаимной основе ресурсы и знания и пользоваться достигнутыми результатами” [1]. ООН – нейтральная международная организация, и поэтому, наверное, правильно, что в ее документах нет определения понятия стратегического партнерства. Сказанное свидетельствует о недостаточной разработанности данного термина в международном праве и международных отношениях, в который политики вкладывают большие и важные смыслы.

Термин “стратегическое партнерство” раньше чаще применялся в сфере бизнеса, где таким партнером признавалась фирма, на долгосрочной основе сотрудничавшая с другой компанией.

В нашем постсоветском сознании и воспитании преданности одному идеалу, системе, стране, вождю, не знающему достаточно ценностей и важности политического плюрализма и многовекторной внешней политики, стратегическое партнерство как бы означает, несмотря ни на что, верность той или иной стране, преданность “до гроба”, хотя в условиях современных реалий и многообразия жизни достичь этого практически невозможно. Современная жизнь оказывается богаче всяких идеологических конструкций. Все страны мира проводят многовекторную политику, поскольку в прошлое ушла эпоха конфронтации двух мировых идеологических систем, где одни страны были на стороне Запада во главе с США, их противники – на стороне СССР и социалистического лагеря, а третьи входили в разряд “неприсоединившихся стран”. Феномен стратегического партнерства еще недостаточно изучен как в зарубежной, так и в отечественной науке, что дает нам возможность его интерпретации. Концепция стратегического партнерства в международных отношениях стала активно продвигаться с завершением холодной войны. Практическая актуальность этой статьи заключается в том, чтобы установить, насколько понятие “стратегическое партнерство” применимо к современным отношениям Кыргызской Республики с внешним миром, в частности с Казахстаном и другими тюркскими республиками.

Как известно, Казахстан активно стоит на позиции интеграции тюркских стран и является одним из активных доноров тюркского проекта. В Нурсултане, в частности, расквартирована Международная тюркская академия.

Например, Кыргызстан по официальным выступлениям и речам своих президентов и других политических руководителей имеет таких стратегических партнеров, как Российская Федерация, КНР, Турецкая Республика и Казахстан. За ними этот термин, когда нужно и не нужно, употребляют в средствах массовой информации и социальных сетях. Но не все эти страны де-факто и де-юре являются таковыми, поскольку между Кыргызстаном и некоторыми названными странами, за исключением России и Казахстана, не заключено соответствующих международных договоров и соглашений. Договоры о стратегическом партнерстве между государствами могут и быть, но часто бывает, что формат таких отношений не всегда ими надлежащим образом соблюдается, а стратегическое партнерство не дотягивает даже до уровня обычных партнерских отношений. Иногда между стратегическими партнерами возникали даже очень острые, если не сказать больше, отношения по вине одного из них. Самый свежий случай – это охлаждение отношений между Кыргызстаном и Казахстаном в октябре 2017 г., а также между Кыргызстаном и Турцией в результате неуклюжего вмешательства КР в противостояние между РФ и ТР по поводу сбитого в Сирии российского боевого самолета в августе 2016 г. и после неудачной попытки государственного переворота в Турции в июле 2016 г. Если сказать больше, то Кыргызстан имел и имеет споры и конфликты со всеми своими стратегическими партнерами в области торговли, раздела приграничных территорий, при строительстве крупных народнохозяйственных объектов, на политическом уровне, при голосовании в международных организациях, когда эти страны выступали не союзниками, а конкурентами.

В связи со сказанным попытаемся разобраться в сути словосочетания “стратегическое партнерство” и определить формат международных отношений между, например, Кыргызстаном и ее “стратегическими партнерами”, в том числе в тюркском мире, где эти отношения должны были быть образцовыми и безупречными.

Интересно выбрали своих стратегических партнеров, например, современные монголы, зажатые между двумя гигантами – Россией и КНР. Ими стали США и Япония. Население последней рассматривается сейчас как родственник для монголов этнос. Японцы являются выходцами с Алтая – таковы результаты последних исторических исследований японских ученых. Раньше, как известно, японцы считались изолированным народом, т.е. народом без родственников. Сейчас они оказывают огромную помощь своим родственникам-монголам в развитии своей страны. Вот оно, значение родства как ценности на Востоке у азиатских народов.

Термин “стратегия” (в пер. с др.-греч. – искусство полководца) обозначает общий план деятельности, охватывающий длительный период времени и главные способы достижения цели. На начальном этапе международного сотрудничества им было присуще отсутствие какой-либо системности и комплексности. Однако в 80-х гг. XX в. ситуация изменилась, когда внимание ученых стали привлекать такие вопросы, как геополитические и национальные причины, формы, содержание, цели и следствие межгосударственных связей и отношений. В публичной политике стало активно использоваться словосочетание “стратегическое партнерство”, ныне прочно вошедшее в понятийный аппарат международного сотрудничества.

С распадом СССР и кончиной “биполярного мира” многие страны, в том числе Россия, КНР и Индия, стали испытывать синдром “одиночества”, вызванный необходимостью иметь тесные отношения с супердержавой. В 1990-х гг. стратегическое партнерство стало конъюнктурным. Одни государства пытались его использовать как щит для защиты своей безопасности, другие – как способ внедриться в новое политическое пространство, а третьи – чтобы решить исключительно свои проблемы [2].

Стратегию внешней политики государства можно представить как пирамиду, где на вершине стоит стратегическая цель. Разработать стратегию – значит выявить приоритетные цели, направления и ресурсы для их достижения. Таким образом, стратегия государства определяет средства и методы для достижения собственных целей.

Просто “партнерство” предполагает, что стороны ведут взаимовыгодные отношения ради определенной цели и несут ответственность за то, чтобы их решения согласовывались с интересами партнера.

Если совместить эти определения и перенести их в область международных отношений, то под “стратегическим партнерством” получается “долгосрочное обоюдное сотрудничество равноправных субъектов на международном уровне для достижения общих целей ради решения национально-государственных задач”.

Необходимо изучить аспекты отношений, которые позволяют им перейти на стратегический уровень, а также те из них, которые этому препятствуют. Термин “стратегическое партнерство” зачастую используется тогда, когда требуется подчеркнуть особую значимость отношений или текущего момента. Очевидно, что в каждом конкретном случае политики подразумевают под стратегическим партнерством разную степень проработанности отношений и повестку дня. Например, для стратегического партнерства необходима соответствующая правовая база в виде договора о вечной дружбе или союзнничестве. Но таких договоров Кыргызстан сейчас имеет только с РФ и Республикой Казахстан. Тем не менее, объясняя реакцию Кыргызстана на попытку военного переворота в Турции 16 июля 2016 г., пресс-служба Президента КР привела следующие слова А. Атамбаева: “Турция является стратегическим партнером Кыргызстана, а народы наших стран связывают исторические, братские связи. Мы верим в мудрость турецкого народа, способного противостоять любым посягательствам на существующий конституционный порядок, соблюдение прав и свобод человека” [3].

Этот пример, как и многие другие, свидетельствует о том, что использование термина “стратегическое партнерство” не всегда соответствует действительности, вследствие чего его значимость в значительной степени девальвирована. Он потерял свое изначальное значение как союзнические отношения или партнерство стран в решении главных для них задач в области национальной безопасности и внешней политики, призванных создать благоприятные условия для внутреннего развития. Этот термин, скорее, означает установление дружественных и долгосрочных отношений между государствами [2].

Чтобы отличить стратегическое партнерство на практике от партнерства на бумаге, очертить круг, за пределами которого останутся другие типы международных отношений, в качестве базовых критериев можно принять существование принципиально важных целей, достижение которых возможно лишь при серьезной координации усилий сторон в долгосрочной перспективе. Единое понимание сторонами целей и принципов развития стратегического партнерства, наличие правовой базы партнерства, где были бы закреплены содержание сотрудничества и механизмы его реализации, а также существование институциональных механизмов, посредством которых реализуется стратегическое партнерство, – эти критерии могли быть положены в основу договоров о вечной дружбе и союзничестве независимых тюркских государств в ближайшей перспективе и реализовываться в рамках как дву-, так и многосторонних отношений.

При этом такая многовекторность не исключает эксклюзивных связей с жизненно важными государствами-партнерами. В эпоху глобализации ни одна страна, независимо от степени ее развития, не может не подвергаться влиянию внешних сил, самостоятельно справиться с острейшими проблемами современности. Противостоять им можно только в рамках тесного международного сотрудничества. Задачей государств в этих условиях является быстрейшая адаптация к новой среде путем пересмотра прежних подходов, которые не дают результата, и выработку новых подходов по ключевым проблемам политики. По мнению экспертов, сутью стратегического партнерства является наличие такого межгосударственного взаимодействия, которое позволяет партнерам, объединив усилия, достичь жизненно важных внутренних и внешнеполитических целей. Таким образом, “стратегическое партнерство” включает в себя пять основных составляющих, которые отличают его от других типов международных отношений и составляют в конечном счете ее суть.

Во-первых, стратегическое партнерство требует наличия явных общих целей, задач и интересов. Во-вторых, отличается своей продолжительностью и постоянством во времени. В-третьих, цели в стратегическом партнерстве должны быть многомерными и распространяться

в сферах экономических, политических и военных интересов. В-четвертых, стратегическое партнерство должно иметь глобальный уровень. В-пятых, стимулы и цели должны иметь такой характер, который они не могли бы достичь в других типах международных отношений.

Надежность “стратегического партнерства” определяется взаимной готовностью сторон учитывать интересы друг друга, дисциплинированностью партнерских отношений и наличием действенных механизмов реализации сотрудничества [2].

К сожалению, в реальности назвать имеющиеся сегодня отношения между КР и Турцией, КР и Казахстаном, а также между другими тюркскими республиками “стратегическим партнерством” трудно, поскольку отсутствует “стержень” в виде основной цели, задач, интересов, постоянства, многомерности и дисциплинированности в отношениях между собой, а потому в отношениях между ними, а также другими тюркскими государствами все время происходят какие-то казусы, омрачающие эти отношения и связи. Например, азербайджанская внешняя дипломатия хочет от Кыргызстана политической поддержки в главной для них карабахской проблематике на основе резолюций ООН о территориальной целостности АР, хотя бы на том уровне, как азербайджанцев поддерживает Казахстан или Беларусь. Но и в этом вопросе все время происходят какие-то непонятные сбои. То оружие частные фирмы Кыргызстана в нарушение договоров СНГ продадут Армении, то 100-летний юбилей армянского геноцида армянский посол в Казахстане проведет в Бишкеке в канун визита министра иностранных дел Турции т.п. [4].

Как в международных делах понимается статус “братских отношений” и как он может иногда стать неожиданным препятствием в развитии внешних сношений? От тюркских республик в рамках этих отношений требуют братского отношения, подтверждения братства. Иначе говоря, требование этой поддержки часто выходит за рамки международного права и может стать причиной международного конфликта. Так, например, было, когда турецкая сторона требовала у Кыргызстана закрыть все гуленовские школы после попытки военного переворота в Турции. Турция обвинила Фетхуллуха Гюлена в организации переворота. Но кыргызская

сторона отказалась, назвав это вмешательством во внутренние дела, а Азербайджан (как братская страна) закрыл подобные учебные заведения [5; 6].

Все в мире стремятся к интеграции, используя любые зацепки и возможности. В мире есть и другие государства – славянские (13), арабские (17), романоязычные (пять – в Европе, 21 – в Северной и Центральной Америке, 12 – в Южной Америке), англо-саксонские (Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), германские (ФРГ, Австрия, Лихтенштейн) и т.д., которые стремятся к интеграции, сохранению и развитию отношений между собой [7]. И это нормальное и распространенное во всем мире общечеловеческое явление и практика, позволяющее сблизить свои народы, укрепить взаимопонимание и сотрудничество между ними и другими культурами, сохранить мир и безопасность на планете.

В рамках ЕС ряд стран бывшего социалистического лагеря, в основном славянские страны, такие как Польша, Чехия, Словакия, за исключением Венгрии, создали Вышеградскую группу, в рамках которой они продвигают и защищают в союзе свои экономические и прочие интересы.

В условиях глобализации и демократизации в наших странах активнее идет процесс смены поколений и правящих элит, есть реальная угроза ослабления наших связей и даже потерять друг друга, если мы не будем вместе сотрудничать и дружить на межгосударственном уровне, если мы из народов-братьев превратимся просто в соседей. Есть и должны, безусловно, быть друзья, коллеги, партнеры, союзники, но родство было и всегда останется высшей ценностью, которая сохраняет нашу идентичность, не позволяет забыть свои корни, свой язык и культуру, рассыпаться и исчезнуть, как исчезло множество великих народов – хеттов, финикийцев, филистимлян, скифов, римлян, ахейцев и других.

Родство у восточных народов является высшей ценностью и очень многое значит. Больше, чем, скажем, в европейской политике. Но и в восточных обществах понимают значение родства. Поэтому между ними также идет интеграция по принципу общности языка, культуры, религии.

По заявлению, например, Азербайджанской Республики, как страна-инвестор [8] она готова

внести крупные инвестиции в экономику Кыргызстана. Но Кыргызская Республика при этом не хочет “обижать Армению” и сохраняет по карабахскому вопросу нейтральную и осторожную позицию. В результате в экономике и торговле у Кыргызстана и Азербайджана нет существенных подвижек, наблюдается отсутствие реальной заинтересованности с обеих сторон. Это негативно отражается и на поведении бизнес-сообществ (большое расстояние, плохое знание рынков и т.д.). Поэтому отношения между Кыргызстаном и Азербайджаном принято называть “братскими”, только принимая во внимание их членство в международных организациях, таких как ССТГ (Тюркский совет), Совет аксакалов ССТГ, ТюркПА, ТЮРКСОЙ, Фонд тюркского наследия и культуры. Но даже в этих общетюркских организациях изъявили желание сотрудничать представители только пяти тюркских республик из шести: Кыргызстан, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Турция. А Туркменистан, придерживающийся политики нейтралитета, в 2012 г. изъявил желание стать лишь наблюдателем в Тюркском совете. Раньше на его заседаниях Туркменистан был представлен на уровне посла, сейчас ситуация существенно улучшилась – на уровне вице-премьера правительства или спикера парламента РТ.

Размышляя о будущем стратегических и братских отношений между тюркскими народами, надо понимать, что важное значение в развитии этих отношений как никогда играют исторические и гуманитарные исследования, труды ученых, которые очень сближают наши народы, сохраняют для нас память о братстве наших народов. Обсуждая какие-то проблемы, тюркские государства не должны забывать о нашем общем будущем, происхождении, истории, традициях. Надо стремиться к тому, чтобы в наших отношениях всем хватило политической воли, мудрости, терпимости, желания и мужества восстановить историческую память и справедливость, чтобы не разрушить наши исторические и братские связи и отношения, ближе которых и ценнее которых на свете больше нет. Этими соображениями было продиктовано открытие в Астане, ныне Нур-Султане, Международной Тюркской академии, которая проводит в этом направлении большую работу во имя общего будущего.

Литература

1. Strengthening of the United Nations system: Report of the Secretary-General in response to the report of the Panel of Eminent Persons on United Nations-Civil Society Relations A/59/354 / United Nations, 2004. URL: <http://www.un.org/apps/docs/ws.asp?m=A/59/354>
2. Альмуканова А. Понятие стратегического партнерства в международных отношениях / А. Альмуканова. URL: <http://el.kz/m/articles/view/>
3. Киргизия поддерживает законно избранные власти Турции. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3459999>
4. Сокирко В. Дяденька, дай патрончик! Киргизия тайно вооружает Армению / В. Сокирко. URL: <http://www.agentura.ru/text/press/2001/patron.txt>
5. Конференция в Бишкеке, посвященная 100-летию Геноцида армян. URL: http://www.mfa.am/ru/press-releases/item/2015/04/03/conf_bichk/
6. Министр иностранных дел Турции посетит Кыргызстан. URL: <http://www.gazeta.kg/news/kyrgyzstan/26965-ministr-inostrannyh-del-turcii-posetit-kyrgyzstan.html>
7. GEO. Географический справочник: на 2016 год. URL: http://geo.koltyrin.ru/country_list_northamerica.php
8. По рейтингу Global Finance Magazine по ВВП на душу населения Азербайджан занимает 64-е, а Кыргызстан 142-е место в мире. URL: <http://www.ca-news.org/news:1183287>